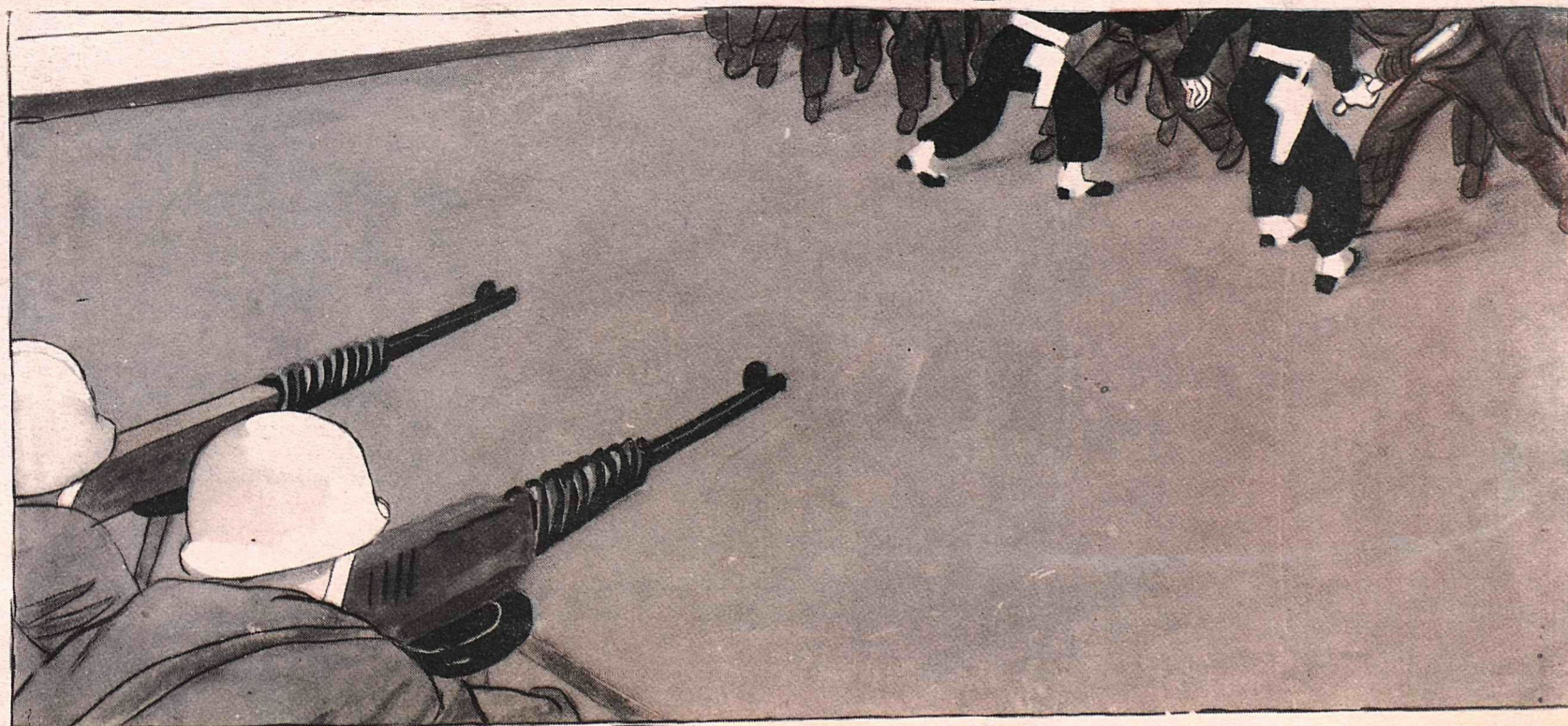

556/49

К
Р
О
К
О
Д
И
Л

1 Мая трудно пройти по улицам Москвы...

...и по улицам Нью-Йорка.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

ПЕРВОМАЙСКОЕ

С Л О В О

Нам сегодня тесны
Даже улиц просторы.
Слесаря, хлеборобы,
Солдаты, шахтёры —

Мы идём побригадно,
Шагаем поротно,
Наша поступь тверда,
Наша сила добротна.

Кто додумался,
Будто при солнечном свете
Меркнут звёзды?
Неправильны домыслы эти!

Вот,
червонную яркость
Удвоив, утроив,

Блещет золото звёзд
На груди у героев...

Реактивные птицы
Пронесются мимо.
Звук несётся вдогонку
За струйками дыма.

Представители
грома и молний
на суше —

Появляются танки,
Проходят «Катюши».

Наша юность идёт,
Соблюдая равенье.
Перед нею бледнеют
Любые сравнения.

Вот
у всех на виду,
При всеобщей огласке,
Возникает содружество
Песни и пляски.

Инженеры, врачи,
Мастера, бригадиры —
Мы приветствуем
Мир
И сторонников мира!

...И у нас
с первомайской
Волной потеленья
Всесоюзный масштаб
Своего наступленья:

Наступать на болота,
По свежим траншеям;
Наступать,
не давая дышать
суховеям.

Ни в цеху, ни в походе
Не знать опоздания,
Возводить корпуса
И высотные зданья.

Всю повестку
грядущего дня
принимая,
Мы встречаем и празднуем
Первое Мая!

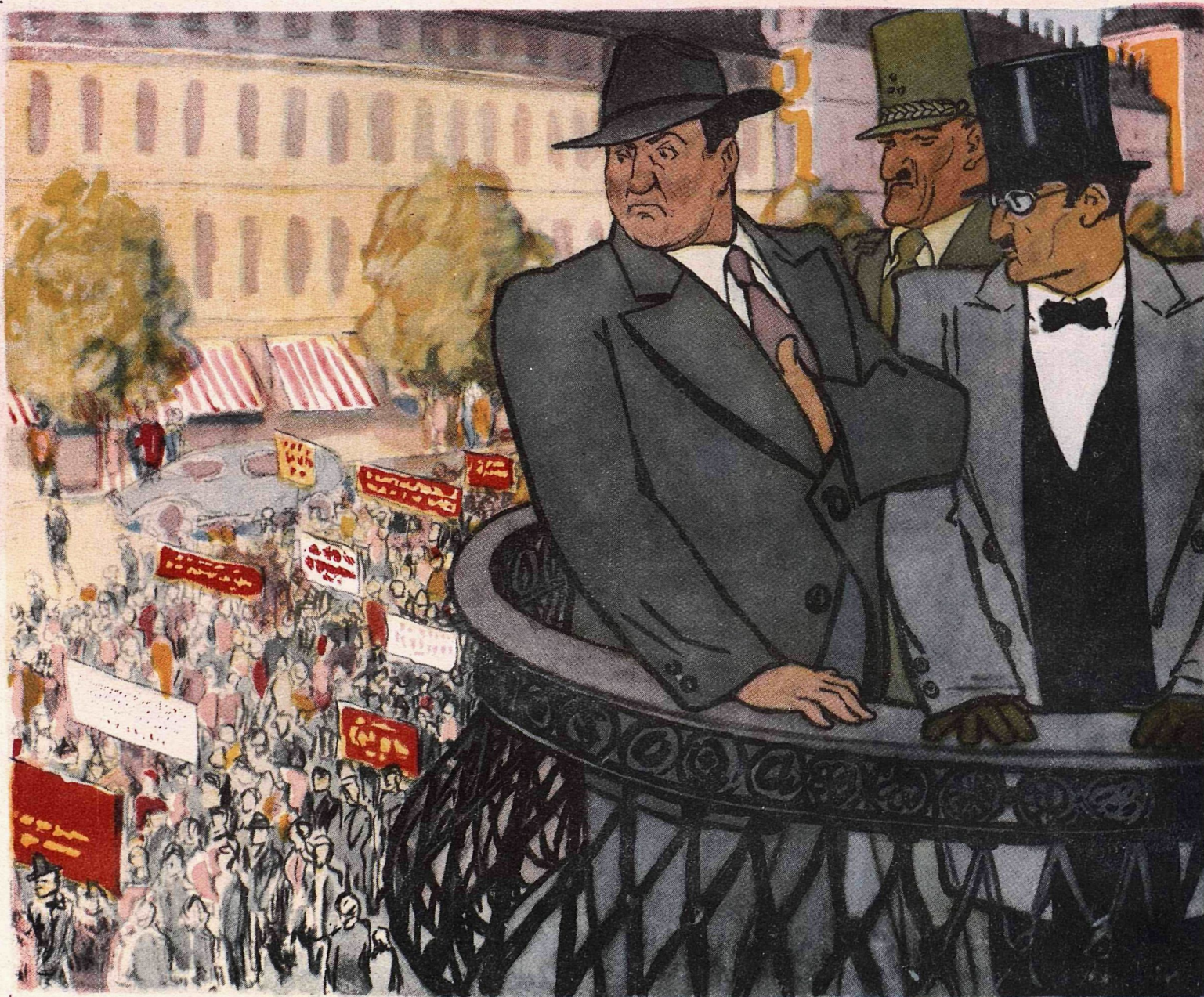

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

ПОД КРЫШАМИ ПАРИЖА

- Видите, мосье, как воинственно настроены рабочие!
- О, да! Но, к сожалению, они настроены воинственно против войны!

О ВЕСЕННЕЙ ТЕМЕ

ДОКЛАДЧИКИ говорят:

— Что мы имеем на сегодняшний день, товарищи?

На сегодняшний день второго квартала текущего года мы имеем весну.

Припоминаются строки о листочках и цветочках, о трелях и свирелях. Выясняем достоверно:

а) весна в природе давно подробно освещена в стихах и прозе;

б) в весенних стихах и прозе часто фигурируют листочки и кусточки;

в) если и уделяется внимание людям, то преимущественно влюблённым.

А хочется написать что-то весеннее про обычных людей...

По-весеннему радостного человека мы встретили у проходной Сормовского завода. Он охотно представился:

— Семён Фёдорович Кудряшёв.

— Хорошо! — сказали мы, намекая на весеннее окружение.

— Прекрасно! — согласился он. — Брак по литью снизили на три процента.

— Значит, литейщик Кудряшёв добился новых успехов в соревновании?

— Да я же не литейщик!

— Мастер?

— Нет.

— Начальник цеха?

— Я пенсионер, — и, улыбнувшись в седые усы, добавил: — Узнал, что в цехе брак велик. Собрал таких же стариков-пенсионеров. Пришли и помогли. В цехе и семейное дело решилось.

— Семейное дело? В цехе?

— Конечно, в цехе. Сын у меня тут работает. Подхожу как-то, а станок у него грязью зарос. Чуть было не прибил сына. Но бить не стал. А в газету всё-таки написал. С этого и началось. Поход пошёл на заводе за образцовый порядок у станков. Мой сын первым стал; станок у него блестит. Его в пример приводят, и мне спасибо говорят...

Припекало солнце. Хотелось пить. Тут и явилась излюбленная фельетонистами тема. Жара. Жажда безалкогольных напитков и пива овладела всеми. Коварная продавщица недоливает до черты налива. Грабёж среди белого дня! Направляемся в палату мер и весов, где ведётся борьба за правильную черту на пивной кружке. Нас встретил товарищ Токарь. Он представился:

— Конструктор.

— Конструктор? А пивные кружки?

— С пивными кружками у нас беда. Понавезли тысячи четыре, и у всех черта налива неправильно обозначена. Вот и лежат тут. Но дело не в этом...

Он вынул небольшой прибор — подкова со стрелкой и шкалой:

— Динамометр конструктора Токаря.

Мы прослушали короткую лекцию об измерительных приборах. Металлические изделия на заводах проверяют на крепость. А эти проверочные машины в свою очередь проверяют динамометрами. А эти динамометры — ещё более точными динамометрами. Последние долгое время привозили из-за границы.

— Мы создали своё конструкторское бюро, — сказал тов. Токарь.

— По указанию из Москвы?

— Нет, в Москве кое-кто в наших вышестоящих инстанциях даже сопротивлялся: дескать, занимайтесь пивными кружками и пользуйтесь привозными приборами. Пошли на риск: создали бюро самовольно. Создали новые образцы точнейших динамометров. Теперь ими вся страна пользуется. Они лучше, легче зарубежных. Они наши.

Засим мы с интересом прочитали кипу отзывов о новых динамометрах, созданных людьми, к которым по штату по-

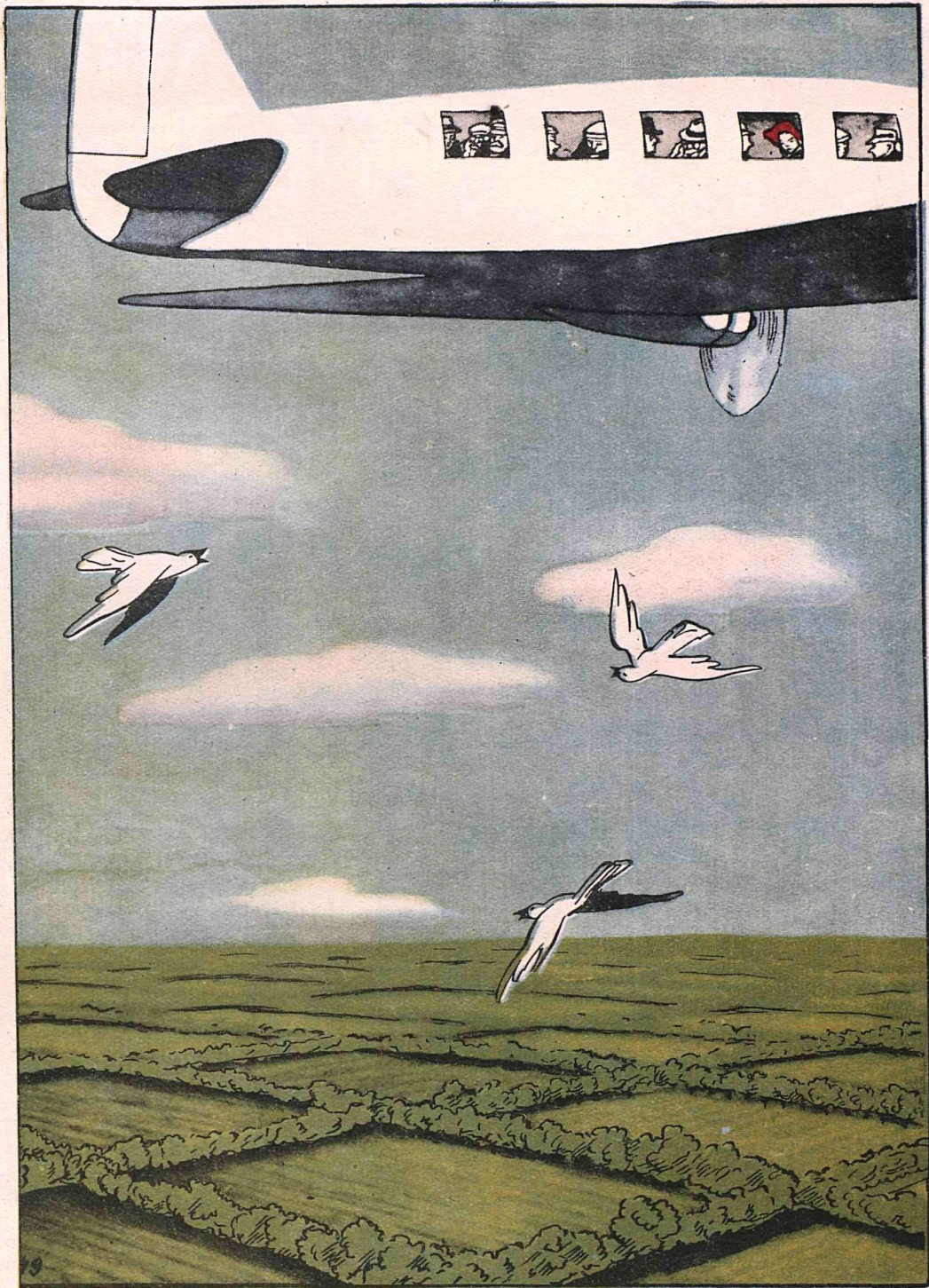

Рис. Г. ВАЛЬКА

НОВЫЙ ПРИЗНАК

— Смотрите, начинается степная полоса! По деревьям видно!

ложено заниматься лишь проверкой пивных кружек...

Берег Волги. На берегу группа инженеров. Они смотрят на Волгу, густо заселённую новыми судами. В этот день сходил на воду ещё один мощный буксир. Но инженеры буднично спокойны:

— Да, традиции гибнут, — сказал один.

— Какие традиции?

— Раньше в день спуска корабля на берег весь завод выходил. Торжество, чествование. А нынче всё по-будничному... Хотя, конечно, тяжело было бы жить с этими традициями. Раньше мы по два года одно судно делали, а теперь за недели успеваем. Было бы сплошное чествование.

И тут в весеннем волжском воздухе над флотилией новых судов (раньше на их постройку ушло бы лет восемь), вы-

пущенных за зиму (раньше суда зимой не строились), мы услышали голос московского диктора. Он известил, что за скоростное строительство и за создание новых образцов речных судов большой группе сормовских инженеров присуждены Сталинские премии.

— Вот это — чествование!

А по песчаному берегу шла ватага молодых парней и девушек. Под заливытые трели гармошки над Волгой звенела песня:

«Хороши весной в саду цветочки...»

Слов нет, цветы хороши. Но как же хороши ростки и плоды нового, благородного чувства, которым полон и славен наш советский человек, делающий весну человечества!

А. ЕРОХИН

Город Горький.

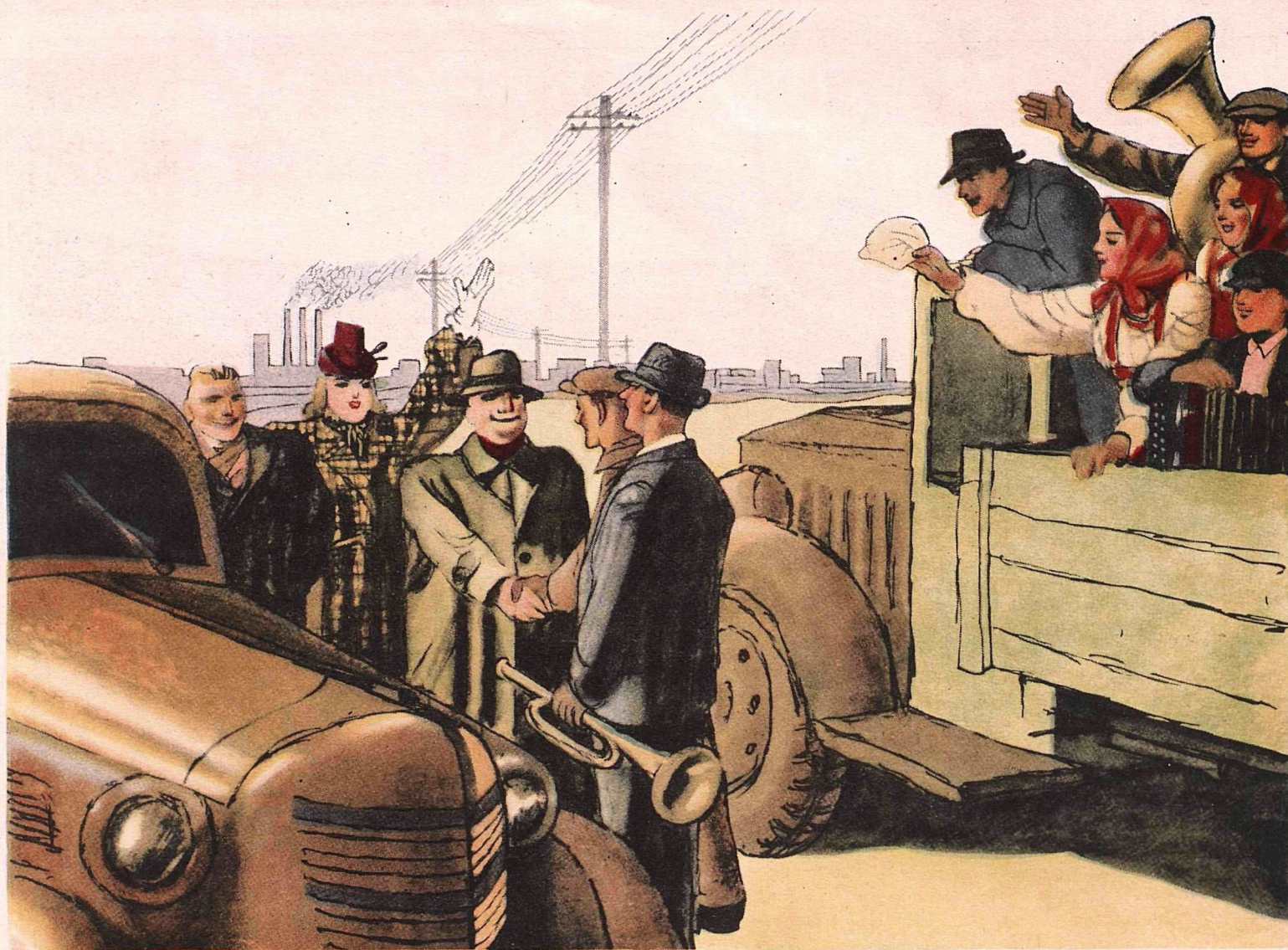

Рис. м. ЧЕРЕМНЫХ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

- Вы куда, столичные?
- К вам в колхоз концерт давать. А вы?
- К вам в город концерт давать.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

ФОМА Иванович Васин любил сложные, запутанные положения, но особой страстью его были всякие расследования, выявления, разоблачения. Работал он ревизором продторга, но считал, что на этой должности способности его используются совершенно недостаточно.

Вот если бы он следователем был, тогда другое дело! Он сумел бы из ничего не значащих для непосвященного мелочей создать стройную систему логических выводов и эффектным психологическим приемом вынудить преступника сознаться.

И вдруг сама судьба послала ему именно то, о чём он мечтал, — сложное дело.

Уже несколько дней соседями по квартире стали новые жильцы — муж, жена и сын Павловы. Кое-что сразу же показалось Васину не совсем обычным. Обстановка у Павловых была новая и очень хорошая: мягкая мебель, зеркальный шифоньер, ковёр, гардины, — а одевались они очень скромно. Но не это заставило насторожиться профессионально подозрительного Фому Ивановича.

Третьего дня на кухне, когда там находились супруги Павловы, услышал он обрывок странной беседы:

- Ну как, получается у тебя что-нибудь?
- Метр — полтора на куске натягиваю. А у тебя как?
- Приспособил кое-что... Граммов двадцать с каждого раза в мою пользу набегает...

На следующий день ему удалось услышать разговор, окончательно укрепивший, неясные прежде подозрения.

— Ну, Серёжа, — говорил старший Павлов, — сегодня меня не переплюнешь! Смотри: тысяча двести!

— Это как сказать! — насмешливо заявил Серёжа. — Я тоже не дремал. На моей книжечке тысяча семьсот сорок!

— Невредно!.. А как у тебя, мать?

— Я не из хвастливых. Две пятьсот за денёк накопила. Фома Иванович напряжённо обдумывал положение. Дело, бесспорно, незаурядное.

Совершенно очевидно, что Павловы, работая в торговой сети, хладнокровно, продуманно расхищают материальные ценности. Жена имеет дело с мануфактурой и специализировалась на обмерах. Муж использует какое-то приспособление для обвеса покупателей. Не совсем ещё ясно, каким способом орудует сын, но, конечно, и он в этой же компании. Вырученные деньги Павловы кладут на разные сберкнижки.

Фома Иванович, как советский человек и ревизор, не может допустить, чтобы при его попустительстве шайка хищников беззащитно обирала государство.

Но как уличить? Нужно действовать осторожно.

Решено! Под каким-нибудь благовидным предлогом он зайдёт к Павловым и, тонко ведя игру, попытается выведать детали. А если обстановка будет благоприятной, он применит эффективный психологический приём и, ошеломив преступников, заставит их во всём признаться.

Атаку Фома Иванович повёл издали. Поговорил о погоде, о коммунальных делах, о снижении цен. Павловы ничем себя не выдавали. Тогда он решил «взять быка за рога»:

- Обстановочка хорошая у вас... Давно покупали?
- После войны. Выиграли мы однажды по займу пять

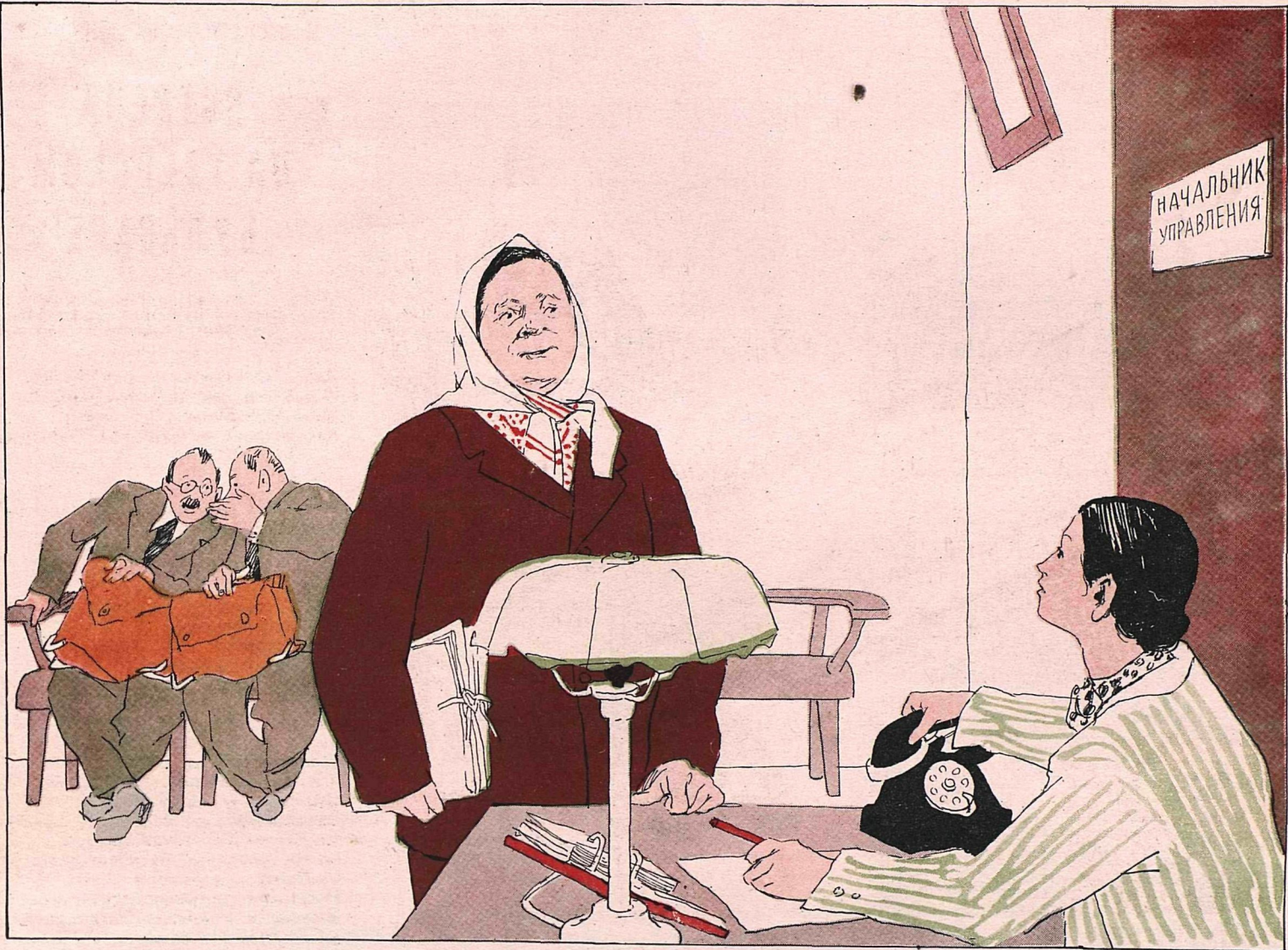

Рис. В. ГОРЯЕВА

КОРОТКО И ЯСНО

— Как доложить о вас, бабушка?
 — А доложи так, милая: член правления колхоза-миллионера «Светлый путь», звеньевая полеводческой бригады, депутат районного совета, трижды орденносец Настасья Акимовна Петрова.

тысяч. Положили было на сберкнижку. А жена пристала: «Куда, — говорит, — нам деньги копить? Пусть в квартире красота и уют будут». Ну и сагитировала. Растрясали мы сберкнижку, ну, и вот...

— Значит, у вас сейчас и сбережений никаких нет? — вкрадчиво спросил Васин, готовясь к решительной схватке.

— Нет, — ответил Павлов, не моргнув глазом.

И тут Фома Иванович нанёс «психологический» удар.

— Вот что, граждане хорошие, — резко и безапелляционно заявил он, — мне все ваши комбинации известны! Говорите прямо: с какого времени занимаетесь хищениями?

Павловы ошеломлённо переглянулись:

— Позвольте, о чём вы?..

— Ах, вот как! — Фома Иванович иронически прищурился. — Значит, это не вы, гражданка Павлова, на каждом куске мануфактуры по полтора метра натягиваете?.. И не вы, гражданин Павлов, по двадцать граммов на каждом отпуске обвешиваете? А хотите, сумму ваших хищений за сегодняшний день я вам точно назову? Две тысячи пятьсот, тысяча семьсот сорок и тысяча двести! Итого пять тысяч четыреста сорок!.. А денежки на сберкнижках. Ясно?

Эффект «психологического» приёма превзошёл все ожидания! Павловы, как подкошенные, свалились кто на диван, кто на кресла и забились в истерическом припадке... неудержимого хохота.

Наконец Павлов, икая и захлёбываясь от смеха, вынул из шкафа одну за другой три небольшие книжечки и подал их Фоме Ивановичу. Тот раскрыл верхнюю книжечку: «Ли-

цевой счёт экономии закройщицы швейной фабрики «Пролетарка» Павловой, Марии Ивановны».

Фома Иванович явственно ощутил, как испарина выступила у него на затылке.

А дальше шли внушительные колонки цифр ежедневной экономии от стахановской работы и рационализаторских предложений Марии Ивановны. Вторая книжечка была лицевым счётом токаря завода Павлова, Николая Степановича; третью Фома Иванович смотреть не стал...

— Простите, дорогие, — пробормотал он заплетаящимся от смущения языком. — Поверьте... я ведь, товарищи, с честными намерениями подозревал... Не в свою, так сказать, пользу, а государству...

Не находя больше слов, он махнул рукой и выбежал.

Всю ночь Васин ворочался с боку на бок, ещё и ещё раз переживал свой ужасный конфуз. Как он теперь Павловым на глаза покажется?!

И лишь под утро он нашёл способ реабилитировать себя перед соседями.

На следующий день, после работы, Фома Иванович побрился, надел выходной костюм и, сдерживая волнение, вновь постучался к Павловым.

— Здравствуйте, товарищи! — виновато улыбаясь, поздоровался Фома Иванович. — Поблагодарить хочу... Надоумили вы меня на интересное дело. По вашему примеру я тоже лицевой счёт открыл: буду считать, сколько от каждой ревизии по моим предложениям экономии будет. И, знаете, очень интересно получается: две тысячи у меня сегодня на книжечку набежало!

Л. СЕГАЛЬ

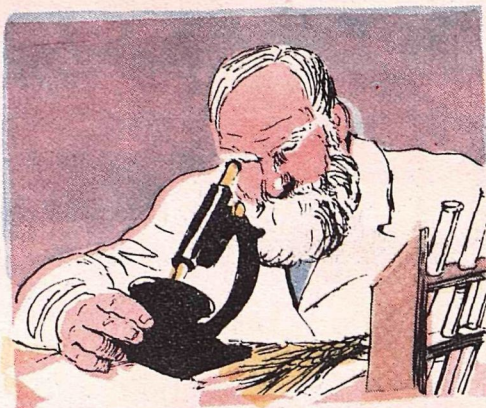
Ленинград.

Рис. А. КАНЕВСКОГО

Колхозник Н. осматривает на поле урожай.

В нашей стране постепенно стирается грань между умственным и физическим трудом.

Действительный член Академии сельскохозяйственных наук К. в лаборатории.

В. БАХНОВ,
Я. КОСТЮКОВСКИЙ

ВСТРЕЧА НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ

Есть проект, по которому памятник Пушкину переносится с Тверского бульвара на площадь.

Здесь состоялось встреч немало,
И всё же, как ни вспоминай,
Таких, признаться, не бывало,
Как встреча в ночь под Первомай.

* *

В ту ночь сошлись без опоздания
Здесь памятники

на собрание.

— Ты звал к себе нас, Пушкин?

— Да,

Прошу садиться, господа.

Начнём, пожалуй...

Все уселись,

А Пушкин продолжал:

— Друзья,

В связи с весенним новосельем

Вас пригласил сегодня я.

Вы не сочтите это чудом,

Должно быть, я покину сей

Тверской бульвар и скоро буду

Стоять на площади моей.

Здесь чуда нет. Всё очень просто...

Но шутки вспыхнули окрест:

— Им овладело беспокойство!..

— Охота к перемене мест!..

И тут, как старожил московский,

Вмешался в прения Островский:

— Друзья, в Москве растут на славу

Невиданные терема

И много москвичей по праву

Въезжают в новые дома.

Вот так и здесь, — чего же проще? —

На новую он въедет площадь.

— Растёт Москва. Оратор прав, —

Промолвил Ломоносов, встав, —

И мне на Воробьёвы горы

(Я вас порадовать могу)

С орденосным МГУ

Переезжать придётся скоро.

Пройдёт ещё немного лет —

И выше гор взметнётся важно

Наш двадцатипятиэтажный

Московский университет.

— Москва красива, — молвил Минин

Пожарскому, — Москва сильна.

Пусть заключают пакты ныне —

Ей эта пактность нестрашна.

(И в подтверждение за оградой,

Там, в предрассветной синеве,

Готовясь к майскому параду,

Шли гулко танки по Москве.)

Куранты били пол шестого,

Когда виновник торжества

Взял заключительное слово:

— Да, изменяется Москва,

И переездом я доволен.

Такая площадь — благодать,

Есть разгуляться где на воле,

Как говорят, чего же боле,

Что я могу ещё сказать?

Лишь то, что за заботу эту

Я благодарен Моссовету.

* *

Любуясь утренней зарёй,

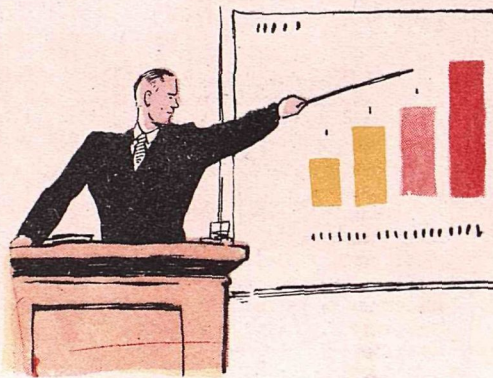
Они ушли на пьедесталы,

И вскоре солнце ярко встало

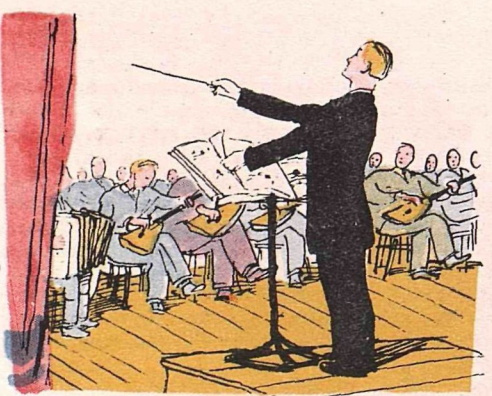
Над первомайскою Москвой.

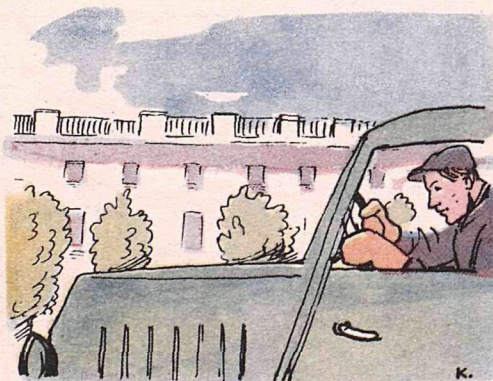
Стахановец Ф., выполнивший к 1 мая три годовых нормы.

Профессор Д. за кафедрой.

Талантливый дирижёр Л. дирижирует оркестром народных инструментов.

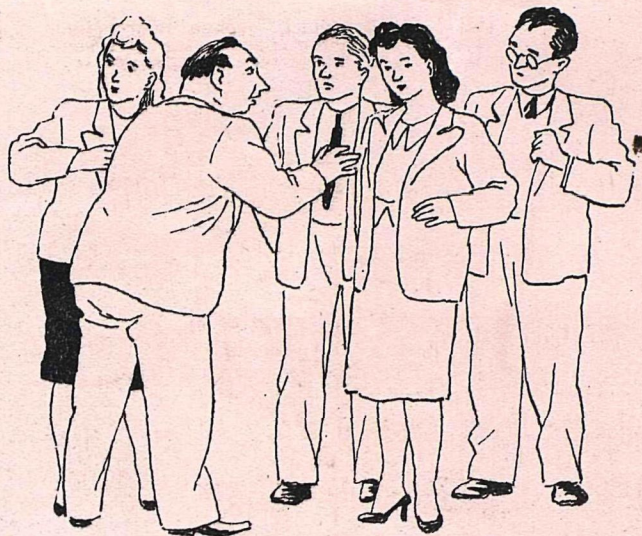
Шофёр Т. за баранкой руля.

Примечание Крокодила. Подписи под рисунками перепутаны. Но перепутаны не по вине редакции. Их перепутала сама жизнь.

Дело в том, что на наших рисунках сверху действительный член Академии сельскохозяйственных наук К. находится не в лаборатории, а на колхозном поле, где проверяет свои научные опыты. Колхозник же Н. изучает в хате-лаборатории новый сорт семян.

На средних рисунках профессор Д. экспериментирует за станком, а стахановец Ф. читает лекцию о рационализации труда.

Внизу шофёр Т. в свободное от работы время дирижирует оркестром народных инструментов, а дирижёр Л. охотно проводит свой досуг за баранкой собственного «москвича».

Сослуживцы

БОТИНОЧКИ на самом деле были очень милые: светлокоричневые с белым рантиком. Продавец провёл по подошве ногтем, ловко

постучал каблучками о прилавок и внушительно сказал:

— Не беспокойтесь! В этой парочке ваш сыночек будет, как дома. Износу не будет. Хватит до самой свадьбы. Пожалуйста, касса налево...

У кассы и произошло самое неприятное. Денег в сумочке не оказалось. Наталия Николаевна торопливо начала перебирать содержимое сумочки. Письмо от сестры, пудреница, платочек, билет в театр, оставшийся от воскресенья... А денег нет. Не веря себе, она ещё раз, теперь уже с нервной торопливостью, стала рыться в сумочке. Вот опять этот билет. Синий штемпель на серой бумажке: ряд шестой, место одиннадцатое...

Денги исчезли. Наталия Николаевна вышла из универмага и, не застегнув пальто, быстро пошла к себе в контору. Она, с трудом сдерживая слёзы, вспоминала, как утром, не заходя в чертёжную, прошла прямо в бухгалтерию и получила заработную плату. Кассир Степан Иванович, подавая в окошечко шесть новеньких, хрустящих сторублёвок, улыбаясь, сказал:

— С наступающим праздником! Новенькие, прямо из-под молоточка...

Потом она вспомнила, как поднялась в чертёжную, села за стол. День был солнечный, яркий. Из окна была видна почти вся улица. На большом доме напротив уже висел транспарант: «Да здравствует 1 Мая!» На нём то загорались, то гасли лампочки: очевидно, пробовавали иллюминацию. Обычно спортивная и деловитая, Наталия Николаевна с трудом дождалась перерыва: хотелось скорее сходить в магазин, купить Павлику ботинки и обязательно того само-

го рыжего, с седой гривой коня, которого они с Павликом облюбовали ещё на прошлой неделе... И вот...

Первой обратила внимание на Наталию Николаевну нормировщик Тоня Соколова:

— Что с тобой, Наташа? А ну-ка, покажи покупки!

Не задай подруга этого вопроса, Наталия Николаевна сдержалась бы и рассказала о потере если и не совсем равнодушным тоном, то, во всяком случае, без слёз.

Услышав про покупки, она сразу вспомнила Павлика и заплакала.

Через минуту вся чертёжная узнала о пропаже, о рыжем коне и о светлокоричневых ботиночках с беленьким рантиком. Захлёбываясь от слёз, Наталия Николаевна рассказывала:

— Выбрала такие миленькие, мягкие...

А ещё через несколько минут в соседней комнате работала срочно созданная добровольная комиссия, состоящая из техника Риммы Осиповой, чертёжника Коли Прохорова и инженера Ани Лебедевой.

Самое активное участие принимала в комиссии Римма.

Правда, немало труда выпало и на долю Коли: он был одновременно и связистом и караульным. Пока Римма и Аня беседовали с вызываемыми по очереди сотрудниками, Коля стоял на часах, чтобы, не дай бог, Наталия Николаевна не заметила бурной деятельности комиссии.

В полуоткрытую дверь он слышал, как Римма шопотом объясняла инженеру Крюкову:

— Вы понимаете, Иван Павлович, какая неприятность: всю получку потеряла! Нас больше тридцати человек. Мы это очень быстро...

Крюков также шопотом отвечал:

— Риммочка! Да что вы меня уговариваете? Вот только разменять надо: у меня одни сотенные.

Несколько дольше других задержался в комиссии консультант Егор Алексеевич Недошивин. Коля слышал, как он тихо басил:

— А не обидит это её? Что-то вроде благотворительности получается. Надо

бы через местком, что ли, или через кассу взаимопомощи...

— Некогда, понимаете, некогда месткомы и кассы собирать: завтра праздник! — волнуясь, объясняла Римма.

Через час всё было готово. Оставалось только вручить деньги. И тут заговорила Аня Лебедева, до этого выполнявшая скромную роль кассира. Она ещё раз пересчитала деньги и твёрдо сказала:

— Она так не возьмёт. Она всё равно потом их нам вернёт.

Тогда десятки и двадцатипятирублёвки были обменены на шесть новеньких сторублёвок. Разведка донесла, что у Наталии Николаевны деньги были завернуты в газету «Труд». Тотчас же был доставлен сегодняшний номер. Всё было разработано до мельчайших деталей.

...В чертёжной зазвенел телефон. Римма Осипова торопливо вскочила и взяла трубку:

— Слушаю! Совершенно верно, чертёжная. Деньги! Какие деньги? Да, да, да! Бегу, бегу!

Римма выскочила из чертёжной и через пять минут вихрем примчалась обратно:

— Наташенька! Вот они, твои деньги. Их какой-то гражданин нашёл в гардеробной на барьере и сдал в конмендатуру. Они по всем этажам звонили...

Около стола Наталии Николаевны стало шумно, к ней подходили сияющие сотрудники, жали руки, поздравляли, шутили.

Наталия Николаевна, счастливая, укладывала деньги в сумочку. В её руки опять попал театральный билет: синий штемпель на серой бумажке. А вот и неоплаченный чек на ботиночки.

Увидев чек, Аня Лебедева сказала:

— Что же ты сидишь? Иди покупай скорее рыжего коня!

Наталия Николаевна стала убирать со стола папки. Из-под одной выскользнула и мягко шлёпнулась на пол плоский свёрток. Наталия Николаевна подняла его и развернула. Во вчерашней газете «Труд» лежали шесть новеньких сторублёвок. У Наталии Николаевны дрогнули губы. Она обвела глазами чертёжную. За столами сидели её товарищи. С нарочито подчеркнутой занятостью они углубились в свои дела. Наталия Николаевна хотела сказать:

«Милые вы мои, хорошие!..» И не смогла. Какое-то волнующее чувство, чувство радости и гордости за сослуживцев, охватило её и мешало говорить.

Иллюстрации Г. ВАЛЬКА

ЛАУРЕАТСКАЯ МАЕВКА

Рис. И. СЕМЕНОВА

На этом рисунке наш художник изобразил новых лауреатов Сталинских премий, передовых деятелей советской науки, техники и культуры.

Он изобразил их во время весёлой маёвки на лоне природы. Маёвка была в самом разгаре, и славные её участники ещё продолжали подъезжать и подходить, когда наш художник покинул заветную лужайку, прижимая к груди альбом со своими зарисовками. Неумный художник торопился в редакцию — сдавать свой рисунок в майский номер журнала. Поэтому он просит лауреатов 1949 года, которые пока не попали в его альбом, извинить его.

В центре лужайки, как видит читатель, происходит большое чаепитие. Роль «Маши у самовара» выполняет **Ксения Ермолаевна Бахтадзе**, доктор сельскохозяйственных наук, заведующая отделом Чаквинского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института чая и субтропических культур. Как говорится, ей и чайник в руки!..

С удовольствием попивает чаёк («грузинский» № 1) **Трофим Денисович Лысенко**, друг колхозников.

Рядом с ним (слева направо) сидит и раздувает самовар **Александр Григорьевич Маментьев**, инженер завода «Серп и молот».

— Пейте чай и дышите кислородом, товарищи лауреаты! — говорит он. — Кислород — это жизнь!..

С Александром Григорьевичем нельзя не согласиться, ибо кто-кто, а уж он-то в кислороде знает толк — ему и Сталинская премия присуждена за применение кислорода для интенсификации мартеновского процесса!..

Токарь-скоростник Московского завода шлифовальных станков **Павел Борисович Бынов** следит за тем, чтобы чашки наполнились чаем скоро и без задержки. Рядом с ним сидит научный работник **Борис Александрович Рыбанов**, доказавший в своём талантливом исследовании «Ремесло древней Руси», что русские умельцы были «не лыком шиты» и умели делать вещи лучше западных ремесленников.

Леонадия Игнатьевна Масленикина, артистка Большого театра, приехала на маёвку прямо со спектакля «Проданная невеста», за участие в котором она и получила Сталинскую премию. Как видите, наша невеста не осталась без места на этом пышном празднике.

Не отстаёт от неё **Валентина Викторовна Хрисанова**, бригадир цеха радиоламп Московского электралампного завода. Это обстоятельство, мы надеемся, не откажется засвидетельствовать и сосед — член-корреспондент Академии наук СССР, украинский академик **Георгий Вячеславович Курдюмов**.

Трое под деревом — это: **Лео Шмович Давиташвили**, грузинский академик-палеонтолог, **Георгий Иванович Петров**, научный сотрудник Института авиационного моторостроения, и архитектор **Лев Владимирович Руднев**, создавший со своей группой проект 26-этажного здания Московского университета. От этой высоты у Льва Владимировича, однако, голова не закружилась, и он охотно демонстрирует свой проект академику **Михаилу Алексеевичу Лаврентьеву**.

В левом углу лужайки небольшая, но тесная компания лауреатов занялась фотографированием.

Снимаются: драматург **Анатолий Владимирович Софронов** (его легко узнать по хорошо выраженным чертам «Московского характера»), прозаик **Георгий Дмитриевич Гулиа**, прибывший на московскую маёвку из родного Сакена, и писатель-кубанец **Семён Петрович Бабаевский**, автор «Кавалера Золотой Звезды» и сам «кавалер» Сталинской премии 1-й степени.

Фотографирует их академик **Александр Алексеевич Лебедев**, великий специалист этого дела: он получил Сталинскую премию за разработку новой съёмочной камеры.

Писатель **Константин Александрович Федин** с отеческой лаской смотрит на своих товарищей.

«Я вас понимаю, друзья,— как бы говорит он молодым лауреатам,— для меня это тоже «первые радости».

А профессор-ихтиолог **Василий Архипович Мовчан** из Киева тем временем занимается ужением рыбы. Он ловит на удочку своего любимого карпа, биологического которого он изучает уже много лет.

Иван Алексеевич Лихачёв, директор Московского автозавода имени И. В. Сталина, прибыл на маёвку на своей машине прямо с конвейера. Вид у него озабоченный, потому что он думает: «Веселитесь-то вы веселитесь — это хорошо, а развозить вас по домам мне придётся!..»

За деревьями — на втором плане — лауреаты музицируют и танцуют. В огненной пляске кружится **Нина Шалвовна Рамишвили** из Государственного ансамбля танцев Грузии. С удовольствием смотрит на танец **Александр Степанович Чутких**, инициатор борьбы за отличное качество текстиля. По его лицу видно, что мастерство **Нины Рамишвили** получило у товарища Чутких оценку «отлично». На роле играет молодой композитор **Александр Григорьевич Арутюнян**, а дирижирует **Балис Доминикович Дварюнас**. Кинорежиссёр, народный артист СССР, **Сергей Аполлинарьевич Герасимов** снимает эти весёлые и волнующие сцены своим верным киноаппаратом. Художники **Кукрыниксы** и на маёвке верны себе: они пишут новую картину. На рисунке, однако, видны не все **Кукрыниксы**, виден только **Ку — Михаил Васильевич Куприянов**, — по причине роста возвышающийся над своими друзьями и братьями: **Порфирием Никитичем Крылёвым** и **Николаем Александровичем Соколовым**. Другой талантливый советский художник, тоже Соколов, но не просто Соколов, а **Соколов-Скаля Павел Петрович**, не отстаёт от **Кукрыниксов** и тоже пишет картину.

Самуил Яковлевич Маршак углубился в соны Шекспира в собственном переводе, что не мешает ему, однако, зорко следить за всем окружающим.

На самолёте собственной конструкции спешит на маёвку знаменитый конструктор-самолётостроитель **Артём Иванович Микоян**...

...Маёвка явно удалась. Погода прекрасная.

С праздником, дорогие друзья!

Рис. Ю. ГАНФА

СЫНОК И ПАСЫНОК

— Ничего, что один у меня хилый и рахитичный! Зато другой растёт не по дням, а по часам!

С. МАРШАК

ОПАСНОЕ БЕЗУМИЕ

Обозреватель Пёрсон Дрю
Сказал: — Алло! Я говорю
Из Северной Америки.
Наш Форрестол
С ума сошёл
И мечется в истерике!

Правдивый слух проник в эфир,
Иль это злая шутка?
Но кто поджечь стремится мир,
И впрямь лишён рассудка.

Кто вновь мечтает о войне,
Забыв урок прошедшей,
Тот безусловно и вполне
Опасный сумасшедший!

С ума нечаянно сойти
Любой имеет право.
Но чтоб политику вести,
Полезно мыслить здраво.

Нельзя сказать, что Форрестол
Глубокий ум утратил.
Он с мелкого ума сошёл,
Как говорится, спятил.

Свихнулся он, теряя счёт
Своим военным базам,
И ум его от всех забот
Давно зашёл за разум.

Был этот мистер Форрестол
Министром обороны,
Но вдруг под старость произвёл
Себя в Наполеоны.

Сошёл с ума он заодно
Со всей своей компанией,
Обуреваемой давно
Воинственной манией.

Но пусть безумный Уолл-стрит
Готовит пир кровавый —
На свете всё же победит
Народный разум здравый!

О'КЭЙ!

АМЕРИКАНЦЫ В ПАРИЖЕ

КОГДА администрация по осуществлению «плана Маршалла» прибыла в Париж, в её распоряжение были предоставлены два больших отеля: «Ваграм» и «Бедфорд».

— О'кэй!! — с удовлетворением воскликнул главный американец, осмотрев роскошные помещения. — А теперь мы наведём здесь порядок.

Были вызваны все служащие обоих отелей. Каждому из них был вручён листок с готовым текстом так называемого «эфи-дэйвит», то есть заявления, подкрепляемого присягой. Такие заявления в Америке заставляют подписывать государственных служащих.

Параграф «в» этого документа гласит, что «нижеподписавшийся» не состоит и обязуется не состоять членом компартии или какой-либо другой организации, «имеющей целью ниспровержение правительства Соединённых Штатов».

В параграфе «с» содержится обязательство служащего не участвовать в забастовках, направленных против Соединённых Штатов, и не входить в организации, защищающие право работающих на забастовки.

«Нарушение этого обязательства, — говорится в конце заявления, — карается по американским законам.

Можно себе представить, какие бурные чувства охватили французов — служащих отелей, — когда они узнали, что должны стать, без отрыва от Парижа, подданными Белого Дома, получить свою долю «благоденствий» по закону

Мосье Кэй — так зовут французского премьера. Не к нему ли относится это восклицание?

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

- Вы разъяснили итальянцам, что Атлантический пакт — оборонительный?
- Да разве им разъяснишь, когда они и так всё понимают!

Тафта — Хартли и работать под недремлющим оком комиссии по расследованию антиамериканской деятельности!

С неопишым энтузиазмом присутствовавшие схватили листочки и... разорвали их на мелкие части.

А на другой день двадцать служащих отеля «Ваграм» были выброшены на улицу за то, что они упорно настаивали на том, что Париж — пока ещё французский город.

«СЕРЖАНТ РАМАДЬЕ»

ЗА КОРОТКОЕ время своего пребывания на посту военного министра Рамадье приобрёл громадную популярность. Не меньшую, чем Жюль Мок. Недаром эти братья-«социалисты» частенько фигурируют во французских юмористических журналах под одним общим именем — Рамамок!

Рамадье — и без Мока достаточно почтенный персонаж. Французы называют своего военного министра «сержантом Рамадье». Это звучит примерно так же, как, скажем, «бравый солдат Швейк» или «отважный Тартарен».

Признаться, мы что-то ничего не слышали о его подвигах во время войны с гитлеровцами. Но в относительно мирной обстановке нашего времени «сержант Рамадье» проявляет недюжинные стратегические способности.

Ревностный сторонник англо-американской школы, он передал французскую армию под командование... английского фельдмаршала Монтгомери. Из французской военной авиации он постарался удалить людей, трудившихся над развитием отечественного самолётостроения. Выступая перед владельцами авиационных предприятий, он объявил, что Франции не нужна авиация. В «западной коалиции», как он говорил, Франция должна быть представлена пехотой: «Пехота — королева битвы!»

Стратегический «план» Рамадье в общем можно кратко сформулировать так: маршал — английский, самолёты — английские, радар и система связи — тоже английские, материальная часть для французских дивизий — американская. На долю Франции остаётся совершенный пустяк — «пушечное мясо»... Чем не о'кэй!

С. ДАТЛИН

Рис. В. КОНОВАЛОВА

ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК

- У этого парня опасные мысли, сэр!
- А что он говорил?
- Слова не успел вымолвить, как мы его снапали!

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Свобода печати по-американски.

С. Г. АДАМС

ПРОФЕССОР САНДЕРСОН И «ПРАБАБУШКИ АМЕРИКИ»

(ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ГРАБЕЖ»)

...Вашингтон обожал грязь, и радостная весть, что слушание дела профессора Сандерсона обещает побить все рекорды по этой части, быстро разнеслась по городу. Вашингтонцы, хорошо знавшие, как «Комиссия по расследованию опасных тенденций» умеет изводить людей допросами, вашингтонцы, знакомые с системой угроз и инсинуаций, которые комиссия применяет в погоне за газетной шумихой, стремились всеми силами попасть в зал заседаний.

В переполненном помещении негде было яблоку упасть. Лучшие места были отведены «Дочерям американской революции», «Защитникам нации», «Прабабушкам Америки» и тому подобным «патриотическим» организациям.

Пред жадной до зрелищ толпой предстал хилый на вид человек в очках с

Действие романа «Гребёж» отнесено к 1950 году, но видимая «фантастичность» книги навряд ли может кого-нибудь обмануть. В романе показаны современные американские миллионеры, нажившиеся на второй мировой войне и стремящиеся поджечь третью войну. Они держат в своих руках Вашингтон, их слово — закон и для сенаторов и для буржуазной печати. Портрет сенатора Пайка, безусловно, списан с председателя комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Томаса, а Сандерсон олицетворяет любого американского учёного, который осмелился поднять голос протеста против современных империалистических монополий.

В печатаемом отрывке описана сцена допроса профессора Сандерсона.

толстыми стёклами, из-за которых смотрели спокойные глаза. Человек снял очки, спрятал их в карман и вежливо поклонился председателю — сенатору Пайку. Тот не ответил на его приветствие. Приведя Сандерсона к присяге и записав его имя, место рождения и другие биографические данные, сенатор Пайк рьяно начал допрос.

Сенатор. Профессор, вы заведуете кафедрой химии в Кастльтонском колледже?

Профессор. Да, сэр.

Сенатор. Работали вы или ваши помощники над атомной бомбой?

Профессор. Нет, сэр.

Сенатор. В интересах нашей страны или какой-нибудь другой страны?

Профессор. Нет, сэр.

Сенатор. Может быть, в интересах России?

Профессор. Нет, сэр.

Сенатор (веско). Вы уверены, что нет, профессор?

Профессор. Расщепление атома — чуждая для меня область науки.

Сенатор. Вы заявляли, что нам следует многому учиться у России?

Профессор. Возможно, что говорил, потому что это правда.

Сенатор. Из каких фондов вам платят за подрыв корней демократии?

Из тайного коммунистического источника?

Профессор. Никаких источников: ни тайных, ни явных.

Сенатор. Оставим этот вопрос пока. Ваша жена — иностранка, да?

Профессор. Она умерла, сэр.

Сенатор. Но вам за этим не спрятаться! Как была её фамилия?

Профессор Костюшко, сэр.

Сенатор. Ого-го! Вот где собака зарыта! Я эту фамилию где-то уже слышал! (Подзывает следователя.) Поищите у себя в списках подозрительных иностранцев! (Обращается снова к профессору.) Она была русская?

Профессор. Нет, полька... Её прадед, о котором вы, вероятно, слышали...

Сенатор. Нас не интересуют её предки. А нам надо знать... (Читает записку, переданную ему из рядов прессы.) Что-о?!

«Сражённый Костюшко упал,

И вопль издала свобода...»

Вроде как стихи... Он что, был поэт, этот старикан?

Член комиссии (тихо). Помощник Вашингтона, помощник Вашингтона...

Сенатор. Нам такие помощники в Вашингтоне не нужны!

Член комиссии (с отчаянием в голосе). Костюшко был адъютант генерала Вашингтона, Георга Вашингтона!...

Сенатор. Не знаю. Никогда не слышал. (Обращается к Сандерсону.) Ну, нечего тут покойницу вспоминать. Мы ведь не её вызвали в комиссию! Вернёмся к вашей радикальной деятельности. Теперь понятно, почему Кастльтонский колледж слывёт как рассадник красной пропаганды! Давно вы там учитесь?

Профессор. Тридцать восемь лет, сэр.

Воинственные дамы и господа в публичке. В тюрьму его! В тюрьму! Показать ему, где раки зимуют! Большевик!

Профессор. Действия вашей комиссии — это не что иное, как линчевание на основе закона...

Сенатор. Вы понимаете, профессор, что наша комиссия может привлечь вас к ответственности за неуважение к конгрессу, который создал эту комиссию?

Профессор. Понимаю, сэр.

Сенатор. Вы берёте назад своё замечание?

Профессор. Нет, сэр, не беру.

Сенатор. Дело профессора Сандерсона о преднамеренном неуважении к «Комиссии по расследованию опасных тенденций» будет рассмотрено комиссией в полном составе...

И тут-то началось вавилонское столпотворение. «Верноподанные ветераны» и дамы-сверхпатриотки кинулись на профессора Сандерсона. Одна «прабабушка Америки» из старинного, знатного рода совсем разошлась и стукнула его зонтиком по голове. Газеты Маргретта поместили портрет праведной старушки и рядом её личное заявление под восторженной «шапкой»:

«Истинная американка возмущена красной пропагандой».

На следующий день эти стоодностоцентные американцы напечатали в газетах требования о проверке деятельности Кастльтонского колледжа. Радиовраль на жалованье у «антииностранной лиги» заполнил все свои передачи истерическими призывами к борьбе против «красных». По волнам эфира под аккомпанемент мощных типографских машин зацокали копыта рыцарей Ку-Клукс-Клана...

Перевод с английского
В. ЛИМАНОВСКОЙ

¹ Тадеуш Костюшко, национальный герой Польши, участвовал в американской войне за независимость в войсках Вашингтона.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

ВОТ ОН — СЕРВИС!

— Недовольных лачугами мы всегда готовы переселить в большие, крепкие, надёжные здания!

БОЛГАРСКИЙ ЮМОР

(ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «СТЪРШЕЛ»)

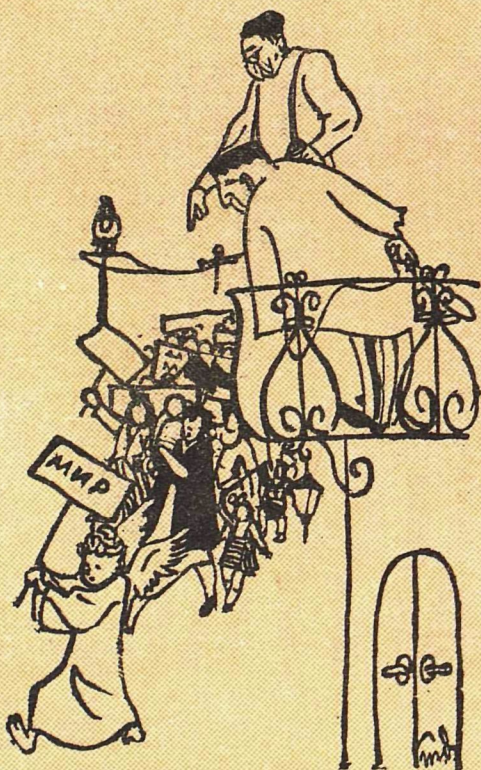
ГЛЯДЯ НА КРЕМЛЕВСКИЕ ЗВЕЗДЫ

«АСТРОНОМ» С УОЛЛ-СТРИТА: — Опасная звезда! Это по ней простые люди всего мира определяют свой путь!

В «СВОБОДНОЙ» ТУРЦИИ

— Не соизволите ли, мистер, утвердить нам новый кабинет?

БОРЕЦ С МИРОМ

ЖЮЛЬ МОК: — Немедленно арестовать вожака этой демонстрации!

ХЕРСТОВСКИЙ ПИСАКА СТАРАЕТСЯ

— Продолжайте в том же духе, и ваш гонорар значительно повысится.

ИСПУГ ГАРАНТИРОВАН...

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

В ПОРТЛАНДЕ над входом в цирк висел огромный плакат: «Билет — 75 центов!» Мы выложили по 75 центов и с голубенькими билетиками в руках отправились внутрь брезентовой палатки. Тут доверчивых людей подстерегала вторая касса и новое объявление: «Место — 50 центов!»

С этого мелкого надувательства и началось наше знакомство с американскими развлечениями.

* * *

В том же Портланде, в балаганах, расположенных на сельскохозяйственной выставке, для увеселения публики показывали невероятно толстую женщину, женщину с бородой и мужчину, поднимающего наковальню. Возле одной из палаток некий джентльмен выкрикивал: «Чудо природы! Мужская женщина или женская мужчина!»

Неподалёку для удовлетворения художественных и эстетических запросов публики предлагалось единственное в своём роде зрелище: измождённый человек, по всей видимости индус, лизал языком... горячие утюги. Сомневающимся предоставлялась возможность убедиться, что в данном случае плутовства нет: каждый зритель за свои деньги имел право плюнуть на утюг. Многие пользовались этим правом и в виде добавочного удовольствия с интересом наблюдали, как шипит слюна на раскалённом металле.

* * *

«Коней айленд» — одно из самых популярных мест, где проводят свой досуг жители Нью-Йорка. Паломничество сюда начинается в мае и кончается с наступлением сентябрьских холодов. Остров в эти месяцы битком набит всевозможными ошарашивающими и оглушающими увеселениями. У касс наиболее опасных забав объявление: «Администрация за несчастные случаи не отвечает».

Среди балаганов снуют толпы посетителей, которые на ходу непрерывно жуют солёную кукурузу или сосиски. Но не все идут пешком. Некоторые едут. Едущие сидят парами в колясках-креслах, которые везёт обычно негр: езда на людях — одна из потех «Коней айленд».

Когда познакомишься с этим увеселительным местом, то создаётся впечатление, что здесь умышленно собраны развлечения на вкус самых примитивных людей. Очень много тут игорных домиков, в которых выманивают деньги сто одним способом, девяносто девять процентов из которых механизировано. Надо заметить, что механизация неотразимо действует на недоверчивых обычно американцев. Хотя с инженерной точностью всё высчита-

но и устроено так, что проигрыш неизбежен, однако одержимый навязчивой надеждой ухватить-таки своё счастье американец способен несколько часов просидеть у какой-нибудь ручки с пружинкой, запуская шарики и опорожня свой кошелек.

Здесь, на «Коней айленд», немало всяких предсказательных и гадательных аттракционов. Они тоже механизированы. Вот под стеклянным колпаком чучело цыганки с картами в руках. Тут же автомат, который за никелевую монету выбрасывает предсказание судьбы, совсем как билет для поездки в метро.

Как известно, живые гадалки врут, сообразуясь с внешними данными клиента. Механизированное враньё влечёт за собой курьёзные недоразумения. При мне такой гороскоп: «Вы родились под счастливой звездой: через два новолуния вы встретите красивую девушку с большим капиталом, которая увлечётся вами и станет вашей женой», — автомат спокойно выдал... пожилой даме.

Самые же распространённые увеселения — механизированные ужасы. В этих балаганах за один доллар в три минуты человек насматривается таких потрясающих страстей, что самый крепкий мужчина выходит на свежий воз-

дух с трясущейся челюстью, а женщин и детей выносят в обморочном состоянии.

Балаганы механизированных ужасов не скупились на рекламу. «Испуг гарантирован!» — пишет над входом один предприниматель. Другой обещает: «Самые ужасные ужасы за 75 центов!» А третий, не задумываясь над смыслом, объявляет: «Нет на свете ничего ужаснее нашего аттракциона!»

У входа в очередной балаган очередная уродливая толстая женщина, раскочиваясь, заливаясь огушительным идиотским смехом непрерывно, как заведённая. Она и есть заведённая: это движущийся манекен, внутри которого патефон с мощным усилителем.

Оглушённый идиотским смехом, визгом и выкриками людей, получающих гарантированный испуг, привлечённый посулами изведать небывалое, американец покупает билеты и вместе с женой садится в парную тележку. Поставленная на рельсы тележка мчится в кромешной тьме. Вентиляторы дуют в лицо, усиливая впечатление быстроты движения.

И вдруг (здесь всё происходит вдруг) впереди возникает фосфоресцирующий скелет. Тележка неотвратимо летит навстречу скелету, распахнувшему свои мёртвые объятия. Гибель испуганных людей как будто неминуема, но в последнее мгновение тележка делает резкий поворот, и скелет остаётся ни с чем. Не успевают развлекающиеся перевести дух, как тележка начинает новый круг, и на месте скелета вспыхивает электрифицированное чудо-вище.

Напоследок механизированный рычаг, обутой в боксёрскую перчатку, вцепляется американцу в затылок прощальную затрещину, и вот уже он, бледный и потный, с полумёртвой женой на руках, появляется у выхода.

* * *

Широкое распространение в Америке получают матчи «свободной борьбы».

Это дикое зрелище не имеет ни правил, ни ограничений. Под улюлюканье и завывание толпы борцы тузят друг друга кулаками, кусают, душат за горло, рвут волосы и уши, стараются разодрать рот противнику.

Для большей занимательности помост вроде ринга покрывают толстым слоем жидкой уличной грязи, в которой, хрипя и задыхаясь, возятся двое перепачканных верзил в трусиках.

Глядя на такой матч, невольно думаешь, что эта «свободная борьба» очень напоминает американскую «свободную конкуренцию»...

Литературная запись
А. ЭРИВАНСКОГО

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

- Наш клуб установил новый рекорд!
- ???
- Продал бека за рекордную сумму!

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ, Г. РЫКЛИН.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц. Москва. Изд. № 309. Подписано к печати 23/IV 1949 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. вн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 05206. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1103. Тираж 165 000 экз.

НАРОДЫ НЕ ХОТЯТ НОВОЙ ВОЙНЫ!

58
30 АПР. 1949

4480 м

Б
Книжная Палата
Обяз. экзempl.
1949 г.

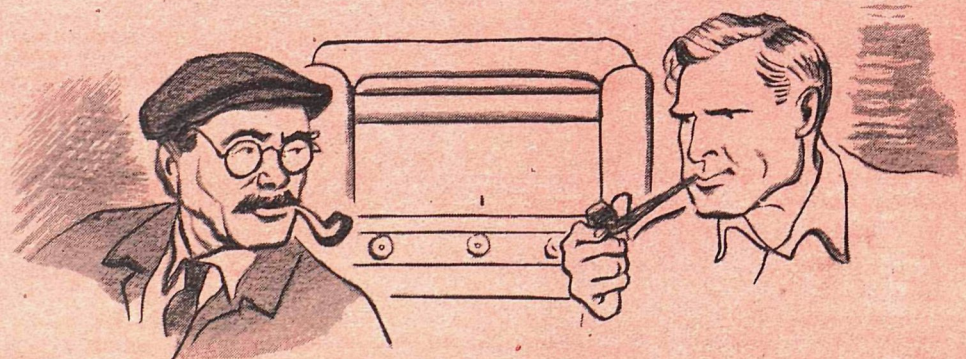
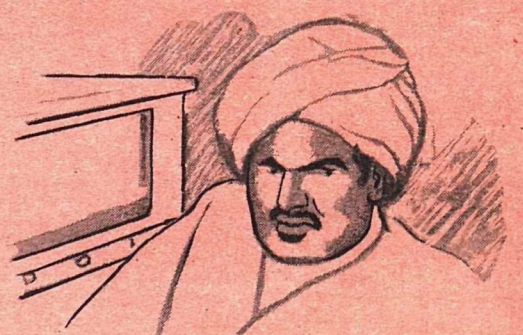
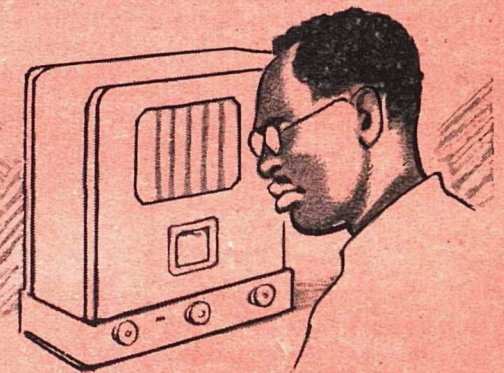

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ВО ВСЕХ УГОЛКАХ МИРА

— Как громко звучит этот голос!
— Ещё бы! Ведь это голос шестисот миллионов трудящихся!